

УДК 821.162.1

И. Мянговска, Г. Л. Нефагина

«ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ» СЕРГЕЯ ПЕСЕЦКОГО:
ПОЭТИКА ЖАНРА

146

Рассматривается жанровая поэтика романов польского писателя белорусского происхождения С. Песецкого. Выявляются особенности художественного воплощения реального автобиографического материала, жанрообразующая роль белорусского и русского этнокультурного субстрата, влияние традиции русского классического романа, а также проявление элементов авантюрно-приключенческого и идеологического романов.

This article considers the genre poetics of the novels by the Polish writer of Belarusian descent, Sergiusz Piasecki. The authors identify the features of artistic incarnation of the actual autobiographical material, the genre forming role of Belarusian and Russian substrata, the influence of the tradition of Russian classical novel, as well as the manifestation of the elements of adventure and ideological novels.

Ключевые слова: роман, бинациональный писатель, автобиографизм, художественное пространство, идеологическое пространство, авантюрный тип героя, традиция.

Key words: novel, binational writer, autobiographism, fictional space, ideological space, adventurous character, tradition.

Тот факт, что жанр — категория наднациональная, банален и не требует аргументации. Также очевидно и то, что форма проявления жанра и стиль имеют национальную специфику. В этом контексте в ряде случаев представляется важным вопрос о национальной принадлежности писателей. В последние годы споры о писателях, имеющих этнокультурные связи как с Польшей, так и с Беларусью, поутихли. Найдя консенсус, литературоведы стали употреблять формулировку «бинациональный писатель» или «польский писатель белорусского происхождения». Таковым является Сергей Песецкий (Sergiusz Piasecki), творчество которого занимает и польских, и белорусских исследователей.

Родился Песецкий в белорусской деревне Ляховичи. Внебрачный сын обрусевшего польского шляхтича и белорусской крестьянки, он был отлучен от матери, воспитывался в семье отца, где языком общения был русский, учился в русской гимназии. Авантюрный характер и насыщенная необыкновенными событиями эпоха определили перипетии его судьбы. Оказавшись во время Октябрьского переворота 1917 г. в Москве, Песецкий увидел воочию плоды революции и навсегда стал противником большевиков. С 18 лет он участвовал в вооруженной борьбе, был бойцом белорусского антисоветского партизанского формирования «Зеленый дуб», занимался контрабандой на белорусско-

польской границе в районе городка Раков, одновременно сотрудничая с польской разведкой, сидел в польских тюрьмах за разбой, где и начал описывать на польском языке (которому выучился именно в тюрьмах) приключения своей бурной жизни.

Понятно, что и русский, и белорусский субстраты должны были так или иначе проявиться в произведениях Песецкого и повлиять на жанровую форму и стиль его произведений. Белорусский выразился не только в многочисленных топонимах и точных описаниях белорусских локусов, но в том способе мышления автора, который присущ белорусской ментальности и отличительной чертой которого является толерантность. Независимо от национальности, все персонажи романов Песецкого равны перед лицом событий, всем предоставляется право оценки и суждения. Русское же начало также состоит не в одном лишь упоминании и цитировании русских писателей, и не только в таких высказываниях, как суждение Юзефа (героя одного из произведений Песецкого) о русских: «Он искренне считал, что ни один народ не обладает такими прекрасными душевными качествами, как российский (вероятно, неточность перевода, нужно «русский», с польск. *rosyjski*. — И. М., Г. Н.). Не вторичными качествами, выработанными или усвоенными, а врожденными: сердечностью, чувствительностью, склонностью к искренней дружбе и великой любви» [2, с. 114]. Влияние русского субстрата сказывается в аспекте поэтики жанра и стиля Песецкого, в их близости русской литературной традиции. Так, можно отметить, что романы цикла «Вавилонская башня» отталкиваются от русского классического романа толстовского направления, нарушая присущую ему монологичность и определенность авторской оценки. Они более близки традиции полифонического романа Достоевского, правда, лишены его тонкого психологизма и динамики.

В ироничной, но вполне серьезной по существу автобиографии 1947 г., уже в эмиграции в Лондоне, Песецкий писал: «Я — поляк. Это значит, я — гражданин страны, которая столетиями боролась за свободу разных народов, и потому в течение всех этих столетий ее раздирали, распродавали, предавали и уничтожали» [3]. Но, считая себя поляком, отстаивая идею свободы и независимости Польши, Песецкий не был великопольским фанатиком, с уважением относился к русскому и белорусскому народам, отделяя народы от правительств и их политики. Его политическую позицию выразительно иллюстрируют слова из автобиографии: «Когда-то мои политические взгляды были следующими: бить белых, пока не покраснеют, а красных пока не побелеют. Но получилось так, что красные всегда были черными, а белые — розовыми. Поэтому считаю, что надо красных отбелить» [3]. «Отбеливанием» он занимался, выполняя задания польской разведки, известной «Двуйки», деятельность которой была направлена против советской власти.

Первый роман Песецкого «Пятый этап», написанный в 1934 г., был конфискован тюремной цензурой. Известность и освобождение из тюрьмы принес писателю роман «Любовник Большой Медведицы»,

опубликованный в 1937 г. и сразу переведенный на несколько европейских языков. Согласно легенде, повторяющейся во многих биографиях Песецкого, роман был номинирован на Нобелевскую премию, хотя документально это не подтверждено. Во время Второй мировой войны Песецкий находился на Виленщине, участвовал в формировании польской Армии крайовой, в деятельности польского подполья, исполнял приговоры по уничтожению предателей и коллаборационистов. Однажды на свой страх и риск он отказался исполнить смертный приговор, вынесенный Юзефу Мацкевичу — известному впоследствии польскому писателю-эмигранту (в романе Песецкого «К чести организации» это Ян Яськевич), организовал беспрецедентное спасение от гестапо документов Зигмунта Андрушкевича (в романе — Анджея). Именно эти события легли в основу цикла «Вавилонская башня». В 1944 г. Песецкий оказался в эмиграции — сначала в Италии, затем в Великобритании, где написал на польском языке десять романов, а также повести и рассказы.

Биографические обстоятельства весьма существенны для понимания жанровой специфики произведений Песецкого, в частности романов «Человек, превращенный в волка» и «К чести организации», входящих в цикл «Вавилонская башня». Название цикла связано со словами одного из персонажей — Томаша: «Мы здесь, на этом клочке земли, теперь как люди на Вавилонском столпотворении! Здесь мы на стыке многих национальностей, культур, религий, смешении понятий и языков. Ужасный Вавилон!» [2, с. 251]. Томаш собирает материалы и записывает факты сложного и противоречивого военного времени, его слова дают ключ к пониманию основного художественного принципа Песецкого, следующего правде факта и конкретного события: «То, что здесь теперь совершается, в будущем может быть сфальсифицировано. Либо искажено, утрачено, подменено. <...> Даже сейчас люди не могут разобраться в этом хаосе. А что будет в будущем?» [2, с. 251].

Забота о достоверности в немалой степени определила характерный для романов Песецкого способ сюжетосложения. Осмысленная как литературный сюжет жизнь автора из сферы реальности переходит в сферу эстетики, становясь основой художественного мира.

Каждый роман опирается на реальные события, в которых писатель участвовал или свидетелем которых он был в 1938—1943 гг. Поэтому для современного читателя эти произведения приобретают характер исторических, хотя и не являются таковыми по авторской интенции. Действительно, в романах цикла «Вавилонская башня» достоверно описан путь Юзефа через западные белорусские земли в Вильно, где и происходят все события 1939—1943 гг. Площади, дворы, сквозные переходы из улицы в улицу представлены настолько точно, что по ним можно составить маршрут перемещений героя и карту города конца 1930-х — начала 1940-х гг. Художественное пространство романов тем не менее шире конкретного пространства Вильно и пригородов. В него входит советская Россия, Беларусь, Польша, Литва, фашистская Германия. В цикле отразились настроения разных социальных слоев города и деревни в то сложное время, когда менялась политическая карта мира, а люди становились игрушками в руках политиков. Почти все персонажи имеют реальные прототипы: кроме уже упомянутых Яна Яське-

вича (Юзефа Мацкевича) и Анджея (Зигмунта Андрушкевича) это Дробны (Владислав Лесневски), Бронка (Адам Борычко), Канцерович (Чеслав Анцерович, редактор «Ежедневного курьера») и др.

В идеологическом пространстве романов в качестве равноценных выступают позиция автора, выражаемая Юзефом, и иные мнения и суждения. Между героями складываются отношения диалога (в бахтинском понимании). Например, бомбежка Лондона немцами и начало Второй мировой войны вызывают разную реакцию у Юзефа и его приятеля Генриха. «Генрих потирал руки и уверял, что к весне все закончится: Германия будет разбита, Польша свободна, а он, Генрих, получит денежную компенсацию за разграбленный большевиками магазин. Юзеф... не давал угаснуть оптимизму Генриха, хотя сам не разделял его. Знал, что итальянские войска вошли во второй половине сентября в Египет, что Германия, Италия и Япония подписали акт “трех государств”. Россия же была их неофициальным союзником. По сравнению с такой мощью какие-то наступательные действия лагеря демократии были почти бессмысленными, возможно было только защищаться, пока Англия была свободной» [2, с. 158]. Множественность оценок позволяет составить реальную историческую картину настроений того времени.

Нередко Песецкий прибегает и к безоценочному изображению, когда герои — «не только объекты авторского слова, но и субъекты собственного, непосредственно значащего слова. Слово героя поэтому вовсе не исчерпывается здесь обычными характеристическими и сюжетно-прагматическими функциями, но и не служит выражением собственной идеологической позиции автора» [1, с. 7], который «создает не безгласных рабов, а свободных людей, способных стать рядом со своим творцом, не соглашаться с ним и даже восставать на него» [1, с. 6].

Благодаря такой организации романов в них представлена максимально широкая палитра мнений и восприятий важнейших исторических событий: переделка европейских границ в 1939 г., начало войны, борьба за независимость Польши и Белоруссии и т.д. Отображается также отношение к советской власти на присоединенных территориях, отношение литовцев к полякам и русским, поляков — к русским, белорусам, литовцам и евреям, разные позиции внутри польского подполья и движения за независимость. Таким образом, можно говорить о полифоничной структуре романов «Вавилонской башни» и об их историчности. Поскольку важные политические события организуют художественную канву романов и представлены разные точки зрения на них, то романы можно рассматривать и как политические.

Почти все и польские, и белорусские исследователи прозы Песецкого анализировали его произведения через призму автобиографизма. При этом перипетии судьбы писателя (и героя — alter ego писателя) как предмет изучения превалировали над собственно литературоведческим анализом. Это связано с видимой простотой авторского повествования, с отсутствием в нем подтекстов, которые провоцируют интерпретационную множественность и интерес к поэтике текста.

Белорусский исследователь П. Рагойша, считая автобиографического героя «изначальным элементом индивидуального стиля» писателя,

подчеркивает, что «автобиографический герой реализует принцип конкретности, детальности физического художественного пространства в жесткой связи со структурностью времени, в результате чего наиболее характерный для манеры Песецкого хроникально-бытовой тип повествования приобретает динамичность, а сюжетное действие — насыщенность и ускорение» [4, с. 16]. В целом разделяя мнение исследователя, не можем согласиться с утверждением о динамичности повествования и ускоренности сюжетного действия. По крайней мере, в романах «Человек, превращенный в волка» и «К чести организации» доминирует спокойное детализированное повествование. Даже такие сверхординарные события, как, например, налет немецких самолетов на Вильно и начало войны Германии с Советским Союзом («Человек, превращенный в волка») или покушение на гестаповца Гожевского («К чести организации»), требующие импрессионистического изображения мгновенных реакций, подаются как перечень последовательных движений и перемещений, сопровождаемый детализацией, еще больше замедляющей темп повествования.

В связи с этим недостаточно обоснованным представляется определение романов писателя как авантюрно-приключенческих, прежде всего потому, что роман данного типа требует быстрого, действительно динамичного развертывания сюжета, а не только героя с чертами авантюриста или насыщенных опасностью событий (слово «приключение» применительно к циклу «Вавилонская башня» вообще вряд ли уместно, так как его этимология связана с глаголом «приключиться», т. е. «произойти внезапно, вдруг», а в романах Песецкого «вдруг» почти ничего не происходит, все потенциально опасные акции тщательно подготавливаются).

В поэтике авантюрно-приключенческого романа над всем властвует случайность: все подвижно и переменчиво, и эту нестабильность герой-авантюрист обычно использует в своих целях. Удачи и неудачи чередуются, но большинство авантур заканчивается крахом, что, однако, не изменяет интенций героя. В том-то и особенность авантюрного героя: бесплодность усилий не влияет на его характер, и в груди по-прежнему «горит огонь желанья» достичь, добиться, найти — славы, денег, любви. Юзеф действительно имеет некоторые черты героя-авантюриста, но только некоторые. Он готов на дерзкие, сопряженные с опасностью поступки, он любит деньги и роскошь (но не имеет их), он не привязан к какому-либо месту и всегда готов перемещаться. Но в целом это вполне реалистический тип характера «человека пограничья», порожденного временем перемен и нестабильности, условиями поликультурного пространства и противостоящих друг другу идеологических влияний. Главный герой, даже пройдя через разные испытания и перипетии, внутренне не изменяется. И характеры других персонажей с течением времени также остаются неизменными, никакой «диалектики развития» в них нет. Представляется, что Песецкий не создает социальные и психологические типы, а рассматривает неизменные модели человеческого поведения в изменяющихся обстоятельствах.

Важной чертой жанровой поэтики является принцип повествования. В романах Песецкого «Человек, превращенный в волка» и «К чести организации», при всей их автобиографичности, выраженное я-повествование отсутствует. Рассказ ведется от третьего лица, однако рассказчик знает о Юзефе все, вплоть до его мыслей и ощущений. Юзеф — центр и средоточие авторского повествовательного пространства. Он главное звено сюжетной цепи, но он объект, а не субъект нарратива. Поэтому от читателя, не знакомого с перипетиями судьбы автора, автобиографизм окажется скрыт. Таким образом, логично определить романы Песецкого «Человек, превращенный в волка» и «К чести организации» не как автобиографические, а как основанные на автобиографическом материале реалистические произведения хроникального типа.

151

Стало чуть ли не хорошим тоном в каждом писателе видеть реформатора или открывателя новых форм. Если такая литературоведческая позиция вполне обоснованна по отношению к литературе конца XX — начала XXI в. с бурными изменениями в жанрово-стилевой системе, то она не всегда оправданна применительно к литературе середины века. Во всяком случае, связывать романы «Вавилонской башни» Песецкого с художественным экспериментом было бы рискованно. Экспериментальным можно считать только реальный материал, который до писателя не был художественно осмыслен в польской литературе.

Список литературы

1. Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. Песецкий С. Человек, превращенный в волка. Минск, 2012.
3. Пясецкі С. Аўтадэнунцыяцыя // Паміж.02. Культураая контрабанда : [сайт]. URL: <http://pamizh.litara.net/piasiecki.htm> (дата обращения: 12.02.2012).
4. Рагойша П.В. Творчасць Сяргея Пясецкага: праблема жанрава-стылевай адметнасці : автореф. дис. ... канд. філोल. наук. Мінск, 2001.

Об авторах

Иоанна Мянowska — д-р филол. наук, проф., Университет им. Казимира Великого в Быдгоще, Польша.

E-mail: rekrutacja@ukw.edu.pl

Галина Львовна Нефагина — д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: slavphil@newmail.ru

About authors

Prof. Joanna Mianowska, Kazimierz Wielki University in Bydgoszcz, Poland.

E-mail: rekrutacja@ukw.edu.pl

Prof. Galina Nefagina, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: slavphil@newmail.ru